

УДК 316.323:001.895

СОЦИАЛЬНАЯ СУЩНОСТЬ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ИННОВАЦИИ КАК ПОТЕНЦИАЛА РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

© 2012 г. Л. В. Илюхина*, Г. И. Герасимов**

Каменский институт (филиал)Южно-Российского государственного технического университета (НПИ)****Институт по переподготовке и повышению квалификации преподавателей гуманитарных и социальных наук Южного Федерального Университета*

Рассматриваются проблемы инновационного развития российского общества, состояния и тенденций изменения процесса становления целостной инновационной системы. В связи с этим предлагаются определения основных понятий, позволяющих обосновать адекватное их сущности инструментальное обеспечение исследования, как социальной сущности, так и технологической составляющей инновационных процессов в условиях современного российского общества.

Ключевые слова: инновации; инновационная деятельность; инновационные диспропорции; инновационный процесс; инновационный разрыв; креативный класс; субъект инновации; социальная дифференциация; стратификационная система.

The article describes some problems of Russian society's innovative development as well as the conditions and a tendency of changing the whole innovative system's establishing processes. Thereby authors present the definitions for the basic notions, which can help to ground the instrumental supply of the research adequate to its essence — both social essence and technological component of innovative processes under the conditions of the nowadays Russian society.

Key words: innovations; innovation activity; innovation disproportions; innovation process; innovation gap; creative class; subject of the innovation; social differentiation; stratification system.

Одной из глобальных характеристик нашего времени является утверждение инновационного способа развития в качестве доминирующего. Наиболее ярко начинает проявлять себя переакцентация источников создания национального благополучия с использования природных ресурсов, физического, низкоаккумулятивного труда и финансового капитала к максимальному включению наукоёмких технологий и интеллектуального потенциала. «...В современной конкурентной борьбе, в первую очередь борьба идёт не за обладание ресурсами, материальными ценностями, а за способность к нововведениям» [17]. Именно эта способность стала своеобразным индикатором современной организации производства и управления им, позво-

ляющая выживать и развиваться в условиях нарастающей динамики социальных изменений и ужесточения конкуренции.

Проблема формирования, становления и инновационного развития в России заключается в том, что данный процесс должен произойти в весьма сжатые исторические сроки при отсутствии многих условий для его развития. С этой точки зрения трудно не согласиться с утверждением о низком уровне эффективности инновационной системы и её составляющих в её нынешнем состоянии, что подтверждается следующими данными: доля принципиально новых разработок в затратах на технологичные инновации составляет примерно 18% (ОЭСР — 33%); из числа использованных передовых технологий всего 2,6%

имеют патент на изобретения; более 90% машинотехнической продукции неконкурентоспособно по сравнению с иностранными аналогами; удельный вес инновационно активных организаций составляет менее 10%, а доля затрат на технологические инновации в общем объеме их отгруженной продукции — чуть более 4%; стоимость импорта технологий в 2,1 раза превышает стоимость их экспорта; отечественный экспорт машин и оборудования составляет лишь около 9% от общего объема, тогда как сырьевой экспорт — более 77%; на 60% расходы на НИОКР обеспечиваются за счёт государственного бюджета, в развитых же странах 2/3 и более затрат покрывается частным сектором [1].

Если же попытаться охарактеризовать степень собственно инновационной зрелости российских предприятий, от чего существенно зависит как вектор, так и динамика накопления инновационного потенциала, как потенциала развития всего общества, то придется считаться с тем, что доля предприятий, абсолютно пассивных в области инноваций, то есть практически не имеющих ни новых продуктов, ни новых технологий, ни расходов на НИОКР, в среднем составляет 44%. Доля предприятий, разрабатывающих и внедряющих новый продукт (19%), значительно меньше доли предприятий, которые не имеют собственных разработок, а адаптируют и применяют уже известные технологии и продукты (27%). Очень мало предприятий, ориентирующих новые оригинальные продукты и технологии на уровень мирового рынка — только 3%. При этом обращает на себя внимание и факт существенного снижения доли предприятий, осуществляющих финансирование НИОКР. Так, только в период от 2005 по 2009 гг. это снижение составило изменение пропорции таких предприятий с 55% до 36% [13].

Как известно, инновация, с точки зрения своей эффективности, непосредственно связана с конечным продуктом, то есть инновация в «обществе знания», опирающейся на основания «экономики знания» и есть конечный продукт непосредственной *взаимосвязи* науки и производства. С учётом этого обстоятельства можно констатировать и то, что в общем объеме производства российских

организаций на инновационную продукцию приходится около 5–6%. Некоторые исследователи отмечают, что востребованность отечественным бизнесом результатов инновационных разработок остаётся невысокой: менее 5% зарегистрированных изобретений становятся объектами коммерческих сделок, в хозяйственном обороте находится 1% результатов научно-технической деятельности, тогда как, например, в США и Великобритании — 70%. Согласно отчёту Мирового экономического форума «The Global Competitiveness Report 2010–2011», в котором проанализированы экономики 145 стран по индексу конкурентоспособности, Россия в 2010 году находилась на 63 месте, что на 1 пункт ниже, чем показатель предыдущего года [15].

Анализируя причины, порождающие сложившуюся ситуацию, следует обратиться ко всей совокупности факторов, в той или иной мере, позволяющей преодолеть «магию очевидного», присутствующего на поверхности любого явления, но, далеко не всегда обращенного к сущности самого явления. С этой точки зрения, в первую очередь, на наш взгляд следует уточнить понимание того, что речь может идти об *инновационном кризисе* как системном явлении, которое возникает в результате действия целого ряда системобразующих препятствий.

Можно согласиться с тем, что в качестве основных, здесь выступают такие, как: низкий уровень развития человеческого капитала; «голландская болезнь» как следствие сырьевой экономики; разрушенные и до сих пор не в полной мере функционирующие фундаментальные институты общества; отсутствие в качестве основного потребителя инновационных продуктов крупной промышленности; ограниченные возможности модернизации производства как следствие отсталости технологического уклада страны; относительно низкая заработная плата населения как антимотиватор творческого развития; высокие риски инновационной деятельности при незначительной государственной поддержке [14].

Говоря о последнем необходимо отметить не только весьма ограниченные инвестиции в инновационные проекты, но и позиционирование чиновников, представляющих государственные интересы в развитии

инновационного потенциала. Так, всего 1,5% из опрошенных инноваторов-разработчиков указали на то, что государственные чиновники делают достаточно для развития инновационного сектора, 8% оценили усилия чиновников как средние, 37% — как минимальные, а 53% считают, что чиновники вообще ничего не делали для поддержки инноваций [12].

Не последнее место в ряду причин усугубляющих общую картину инновационного кризиса занимает недостаточная степень разработанности теоретической составляющей, позволяющей достичь более полного понимания того, что есть инновация в своей природной первозданности, а не в интерпретационных трактовках, порождаемых практикой повседневного применения.

Дело в том, что, несмотря на широкий диапазон применения самого понятия «инновация», оно остается в понятийном смысле одним из самых неотработанных определений. По сути дела, прямой перевод ни у кого не вызывает сомнения (от латинского *in* — «в» и *novus* — «новое»), а вот содержательное применение и смысловая интерпретация безбрежно широка. Здесь наиболее распространены «новшество», «нововведение» не говоря о массе понятийных новообразований: «инновационный фон», «инновационный потенциал», «инновационная технология» и т. д.

Первоначально термин «инновация», который достаточно плотно вошел в «разговорное пространство» ещё в XIII веке, обозначая при этом «придумывание чего-нибудь нового, опережающего своё время» [6]. Затем, уже в XIX столетии он приходит в сферу научного знания и, что чрезвычайно интересно, в разных областях научного знания начинает играть достаточно различающиеся роли. В то же время он содержит и нечто общее: инновация — это «...результат творческой деятельности, направленной на разработку, создание и распространение новых видов изделий, технологий, внедрение новых организационных форм и т. д.» [3].

По всей вероятности, *наиболее полно отражает сущностную сторону инновации как явления* такое представление, которое связывает её с «целенаправленным изменением, вносящим в среду внедрения новые стабильные элементы (новшества), вызывающие пе-

реход системы из одного состояния в другое» [10]. При этом *новшество* заключает в себе то содержание (сущность), которое предполагает возможность качественного изменения, а *нововведение* — обеспечивает технологию имплантации или выращивания содержания новшества в условиях конкретного объекта, изменение которого и составляет предмет инновации.

Анализ процесса определения понятия «инновация» показывает, что рядоположенные ему понятия «новое», «новшество», «нововведение» рассматриваются одновременно, с одной стороны, как самостоятельные, имеющие собственный смысл в социальном пространстве, с другой — как компоненты системы, где, не теряя собственного смысла, они приобретают другое содержание и выполняют взаимосвязанные функции. Поэтому каждое из понятий определяется посредством своей, специфически определённой группы критериев:

1) *инновационно новое* с критериями — степень творческой новизны; актуальность;

2) *новшество как содержание* с критериями — конкретная предметная область применения; степень радикальности; степень разработанности инновационно нового относительно специфики инновированной социальной системы;

3) *нововведение как организация* с критериями — конкретный способ применения; степень интенсивности; степень соответствия алгоритма освоения новшества условиям перевода инновированной системы в новое качество.

Каждый из обозначенных критериев, в свою очередь, имеет шкалу индикаторов проявления, которая позволяет провести классификационную группировку. Так, к примеру, степень радикальности новшества может иметь следующий порядок [11]:

— нулевой порядок (регенерирование первоначальных свойств) — целевое изменение, сохраняющее и обновляющее существующие функции системы или её части;

— первый порядок (адаптационные изменения) — взаимные приспособления элементов системы с возможной их перестановкой в целях повышения эффективности системы или её части;

— второй порядок (новый вариант) —

частичные качественные и функциональные изменения в рамках системы или её части, создающие их «варианты» с новыми полезными свойствами или изменёнными параметрами;

— третий порядок (новое «поколение») — изменение качественного состояния и функциональных свойств системы или её части при неизменной базовой концепции;

— четвёртый порядок (новый «вид») — качественные изменения функциональных свойств системы на основе частичной смены концептуальных принципов организации системы;

— пятый порядок (новый «род») — коренное изменение качественного состояния и функциональных свойств системы на основе замены базовой концепции.

Если обратиться к дальнейшей судьбе понятия инновации, то в ходе его экспансии (фактически на все сферы жизнедеятельности человека и общества, за счёт социальной диффузии, при которой сам феномен обретает новые качественные характеристики), инновация в её нынешнем понимании, на наш взгляд, всё более полно понимается в качестве *процесса*. Что касается *самого процесса*, то, в самом общем виде, он определяется следующим образом:

— восприятие проблемы или возможности;

— первая концепция оригинальной идеи;

— исследование и разработка;

— первый выход в производство и на рынок;

— усовершенствования и изменения, приносящие доход [18].

Поскольку инновация выступает как особым образом организованная деятельность, самовоспроизводящая себя, то она востребует совершенно определённую *совокупность характерологических черт личности*, среди которых:

— потребность в переменах, умение уйти от власти традиций, определяя точки развития и адекватные им социальные механизмы;

— наличие творческой личности как личностного качества и творческого (креативного) мышления;

— способность находить идеи и использовать возможности их оптимальной реализации;

— системный, прогностический подход к отбору и организации нововведений;

— способность ориентироваться в состоянии неопределённости и определять допустимую степень риска;

— готовность к преодолению постоянно возникающих препятствий;

— развитая способность к рефлексии, самоанализу.

Безусловно, это не исчерпывающий ряд черт инновационной личности, но необходимый и достаточный для обозначения инновационности как типического качества личности.

Резюмируя вышесказанное можно утверждать, что:

Во-первых, об инновации следует говорить как о системе, которая состоит из имманентно ей присущих и взаимодействующих на едином основании частей и компонентов в составе: инновационно новое, переводимое в новшество (в качестве содержания), выражаемое в нововведении (как организации) и нацеленное на изменение качественного состояния инновированной системы включённой в определённую сферу жизнедеятельности общества и регулирующей столь же определённую деятельность человека. Следовательно, в рамках инновации каждый из её отдельно взятых компонентов теряет свою самостоятельность и обретает иной смысл.

Во-вторых, инновация как система отличается собственной организацией в виде взаимодействия социальных механизмов, обеспечивающих отношения координации и субординации образующих её компонентов. Она проживает свой полный жизненный цикл: *возникновение (зарождение) — освоение (внедрение) — распространение (диффузия)*, связанные специфическими алгоритмами и, только в таком случае, выполняет всю совокупность своих функций.

В-третьих, инновация как система характеризуется наличием интегральных системных качеств, рождаемых деятельностно-коммуникационным пространством и несводимых качеств отдельных её частей и компонентов. Среди них можно назвать такие, как *инновационная возможность, инновационная способность, инновационный потенциал* и т. п.

И, наконец, инновация как система обла-

дает качественной определенностью, выраженной в целостности, обозначаемой как инновационная организация деятельности. Именно качественная определенность инновации способна изменить (как по содержанию, так и по форме) состояние инновационной системы и последняя приобретает возможность (и только возможность) оформления инновационности в качестве собственного системного признака.

Другими словами, в этой социальной системе, независимо от сферы общественной жизни, в которой она себя реализует, оформляется и становится её имманентным признаком инновационный способ организации деятельности, характерной чертой которого выступает способность воспроизводить себя в новом качестве.

Здесь следует отметить явную недостаточность теоретико-инструментального обеспечения исследования инновационных процессов в их сущностной целостности с учётом существующей и реализуемой по разным основаниям социальной дифференциации жизни общества. Если говорить об инновационной системе как социальном явлении, охватывающем все без исключения сферы жизнедеятельности общества, то, с учётом достаточно глубокой социальной дифференциации, характерной для современного состояния общества, значительный интерес представляет идея «инновационного разрыва», тесно связанного с выборочным характером распространения инноваций и определяемого как результат неравномерности (по темпу и эффективности), и диспропорциональности инновационного процесса.

Именно этот термин вводит в исследовательскую практику М. Шугуров, пытаясь выявить природу инновационного разрыва как явления, связанного с процессами глобализации и формирования глобальной инновационной культуры [16]. Обращая внимание на то, что в ведущих странах именно инновационный процесс обеспечивает до половины прироста ВВП, автор подчеркивает и то, что высокий уровень инновационного развития предопределяет активный темп *не только экономического роста, но и общественного развития в целом.*

Причём, с одной стороны, глобальный

характер инновационного разрыва детерминирован тем, что образуется глобальная инновационная система (ГИС) — общего пространства инновационного развития, в рамках которого происходит *стратификация* государств и регионов в зависимости от уровня инновационного развития. В тоже время, с другой — сам процесс ускорения инновационного развития парадоксальным образом подпитывает инновационный разрыв.

Отмечая эти характерные особенности такого феномена как «инновационный разрыв», автор ищет ответ на вопрос о том, не является ли инновационный разрыв закономерным явлением, являющимся следствием целого ряда процессов «на страновом и глобальном уровнях». Дело в том, что ответ на этот вопрос позволит адекватно ответить и на другой — можно ли распространить действие этого явления на другие (кроме глобального) уровни стратификационного анализа соответствующего состояния общественных отношений. Речь идёт о возможном применении этого понятия при описании различий не только в уровне инновационной совершенности секторов одной страны по отношению к секторам другой, но и в ходе сравнительного анализа способности инновационной самонастройки различных сфер жизнедеятельности какого-либо общества в его национальных рамках, более того — на любых уровнях анализа стратификационной системы данного конкретного общества.

И хотя М. Шугуров ограничивает предмет своего исследования инновационного разрыва только глобальным его уровнем, сама сущностная характеристика этого феномена, отражающая не только объективные процессы и явления, но и предполагающая оценочную функцию, свидетельствуют в пользу его универсальности в рамках различных теорий социальной дифференциации. Справедливость такого утверждения может быть подтверждена и обращением автора к понятию «инновационная культура», включающая «во-первых, институциональную культуру инновационного действия, а во-вторых, смысло-ценностное измерение, сдерживающее реализацию рискованных инноваций. И главное, что инновационная культура должна включать в себя механизмы, обеспечиваю-

щие приверженность постоянному обновлению и переосмыслению инновационных способностей и потенциала» [16].

В рамках предлагаемого подхода особое место занимает проблема субъекта инновационной деятельности, поскольку именно он становится основой социальной дифференциации той силы, которая способна инициировать инновационное преобразование общества в разных его сферах, на разных уровнях, но обеспечивая целостное, системное преобразование. Одним из *возможных субъектов инновационной деятельности* в этом смысле слова может стать так называемый *креативный класс*, концептуальное оформление которого занимает всё большее место в современном социально-гуманитарном знании, поскольку «нацеленность на «выявление» креативного класса определяет, что важным можно считать оценку личностью результатов деятельности, как приносящих удовлетворение/неудовлетворение в соответствии с запросом на творчество, самореализацию личностного и социально-профессионального потенциала» [2].

Не смотря на то, что идея определения креативного класса далеко не бесспорна и ещё нуждается в обосновании, но некоторые его черты достаточно однозначно воспринимаются как реальность социальной практики. Речь идёт о том, что: именно креативный класс в развитых странах обеспечивает основной прирост ВВП за счёт качественного улучшения производимых товаров и услуг (встречаются цифры, которые говорят о том, что уже сегодня этот прирост на 90–95% обеспечен за счёт креативного класса); креативный класс становится не только ведущей экономической, но и социальной силой, а теперь уже и политической; недооценка креативного класса в России в последние десятилетия прямо связана с ресурсной экономикой и незаинтересованностью правящей элиты; креативный класс является основным носителем национального человеческого потенциала, именно он концентрирует в себе такие его качества, как знания, творчество, культура [9].

Если выше перечисленным ограничить общетеоретические признаки инновационной системы в целом и её отдельных, важнейших компонентов (*инновация как потреб-*

ность и способность развития, инновационный процесс и инновационная деятельность, инновационная личность), то необходимо подчеркнуть и то, что эти общие основания весьма специфически реализуют себя в различных сферах жизнедеятельности общества, на различных уровнях функционирования инновационной системы (общество в целом, сфера общественной жизнедеятельности, конкретная организация, субъект инновационной деятельности) [7] и в зависимости от конкретного предмета самой инновации.

С этой точки зрения, к примеру, можно согласиться с теми исследователями, которые предлагают относить к элементам, определяющим масштабы, характер и качество инновационной деятельности промышленного производства, следующие сферы: научную, научно-техническую, образовательную, инвестиционную, сферу управления, сферу производства инноваций, сферу потребления нововведений [4]. Однако это вовсе не означает, что таким же образом можно охарактеризовать инновационную деятельность образовательной организации.

Характеризуя уровни инновационной системы в целом следует ориентироваться на то, что классификация нововведений по критерию значимости в развитии производительных сил общества предполагает их деление на следующие группы [5]:

— во-первых, *базовые нововведения*, которые реализуют крупнейшие изобретения и становятся основой революционных переворотов в технике, формирования новых её направлений, качественных изменений технологической системы, создания новых отраслей;

— во-вторых, *крупные и принципиальные нововведения*, возникающие на базе аналогичного ранга изобретений, научных и технических рекомендаций, в результате которых происходит смена поколений техники в рамках данного направления или появление новой технологии при сохранении исходного фундаментального научного принципа;

— в-третьих, *средние и комбинаторные нововведения*, представляющие собой использование различных сочетаний конструктивного соединения элементов, которые позволяют создать базу для освоения новых моделей и модификации данного поколения

техники, усовершенствовать существующую технологию, улучшить основные технико-экономические показатели выпускаемой продукции;

— в-четвертых, *мелкие и комбинаторные нововведения*, возникающие на основе мелких изобретений, рационализаторских предложений, производственного опыта и поддерживающие технико-экономический уровень основных или улучшение второстепенных технико-экономических параметров техники и технологии, улучшение параметров выпускаемой продукции, что способствует более эффективному производству этой продукции, либо повышению эффективности её использования.

Если же рассматривать содержательную сторону инновационной системы, то следует учитывать как её многофункциональность, так и многопредметность, связанную со спецификой различных видов деятельности. С этих позиций ряд исследователей предлагают различать такие виды инноваций, как: *технико-технологические, организационные; управленческие; экономические; социальные; юридические; экологические.*

Анализируя состояние российской инновационной системы хотя бы в рамках вышеобозначенных параметров (а именно их целостность и создает инновационный потенциал развития), можно констатировать, что она находится лишь в процессе становления, не только потому, что российская экономика всё еще не может отойти от последствий «шоковой терапии девяностых», но и в результате отсутствия такого решающего фактора её развития как конкурентоспособность (И. Шумпетер).

С этой точки зрения сложно не согласиться с мнением об отсутствии у российских предприятий интереса к инновационному развитию как таковому, поскольку «...в условиях России инновации реально не являются инструментом в конкурентной борьбе. Российским предприятиям нет необходимости внедрять новые технологии для привлечения потребителей. Конкурентные преимущества в нашей стране создаются другими факторами, а не инновациями» [13].

Среди основных проблем, препятствующих инновационному развитию российских предприятий, выделяются следующие: от-

сутствие закона «Об инновационной деятельности»; недостаточность финансирования инновационной деятельности предприятиями в связи с высокой стоимостью внедрения и освоения нововведений, а также долгосрочностью вложений; отсутствие у российских предприятий современной базы для внедрения разработок по причине износа или отсутствия необходимого оборудования; отсутствие как соответствующей управленческой структуры, так и управления управленческих кадров (на всех уровнях управленческой цепочки), способных эффективно руководить инновационным процессом; недооценка человеческого капитала как субъектной основы инновационной деятельности [13].

С учётом этих обстоятельств, среди наиболее важных и первостепенных шагов в сторону улучшения сложившейся ситуации, можно обозначить следующие:

— чёткое оформление государственной стратегии в виде: а) разработки федерального проекта по формированию целостного пространства промышленной и инновационной систем; б) создание законодательства, регулирующего ведение инновационной деятельности в организациях и на предприятии; в) закрепление в практике социальной деятельности регулятивных норм, определяющих понятия инновационного развития, инновационного процесса и т. п.

— создание региональных инновационных систем в качестве общественно-государственного гаранта сохранения и наращивания инновационного потенциала во всех сферах общественного воспроизводства;

— в рамках региональных систем разработка комплекса, совместных с бизнесом, государственных действий, направленных на развитие и поддержку области наукоемких технологий;

— образование и развитие института экспертов в сфере создания инновационных систем и целевая подготовка управленческих кадров, способных овладеть управленческой культурой инновационного типа;

— использование возможностей научного потенциала академических и образовательных организаций по проведению системных маркетинговых исследований спроса на инновационную продукцию в условиях неустойчивой экономической ситуации в стране,

затрудняющей достоверную оценку потребительской способности даже на краткосрочную перспективу;

— широкое использование утвердивших себя в мировой практике систем по развитию интеллектуального человеческого потенциала, учитывающие потребности их реализации при определении уставного капитала, обосновании инвестиций, выработке стратегии развития экономического субъекта и т. п.

— организация системы распространения знаний и пропаганды среди всех слоёв населения страны необходимости инновационного пути развития страны [8].

Литература

1. Бекетов Н. В. Международная макроэкономика: интернационализация, глобализация и взаимозависимость хозяйства. // Финансы и кредит: Научно-теоретический журнал. — 2009. — №45. — С. 25–28
2. Волков Ю. Г. Креативный класс в социальной структуре российского общества. — Ростов н/Д, 2011. — С. 5.
3. Горохов В. Г., Халипов В. Ф. Словарь. — М., 1987. — С. 80.
4. Гуреева М. А. Управление инновационным развитием промышленного производства. // Интернет-конференция «Инновационность экономики России и проблемы глобализации». Ноябрь 2011 г. — М.: ФГБОУ ВПО «РЭУ им. Г. В. Плеханова», 2011.
5. Джолдасбаева Г. К. Инновация как основной фактор повышения эффективности производства [Электронный ресурс] / iTeam — технологии корпоративного управления. — Режим доступа: http://www.iteam.ru/publications/strategy/section_18/article_2933, свободный. — Загл. с экрана.
6. Карпов Ю. А. Инновации, интеллект, образование. — М., 1998. — С. 15.
7. Карпова Ю. А. Введение в социологию инноватики. — СПб, 2004. — С. 37–58.
8. Лукьянова А. Ю. Проблемы инновационного развития России. // Актуальные вопросы экономики и управления: материалы междунар. заоч. науч. конф. (г. Москва, апрель 2011 г.). — М.: РИОР, 2011. — С. 36–38.
9. Подберезкин А. Креативный класс и идеология русского социализма. — М., 2011. — С. 19–20.
10. Поташиник М. М., Лазарев В. С. Управление развитием школы. — М., 1995. — С. 103.
11. Радугин А. А., Радугин К. А. Введение в менеджмент: социология организаций и управления. — Воронеж, 1995. — С. 87–88.
12. Российские «мозги» снова хлынули за рубеж [Электронный ресурс] / Infox: Новости бизнеса и политики. — Режим доступа: <http://www.infox.ru/business/company/2010/03/19/>, свободный. — Загл. с экрана.
13. Сайфуллина С. Ф. Проблемы инновационного развития российских предприятий. // Успехи современного естествознания. — 2010. — №3. — С. 171–173.
14. Теляшева Э. А. Системные препятствия инновационного развития России. // ИнВестРегион. — 2010. — №2. — С. 10.
15. Ферзалиева А. О. Повышение эффективности инновационной деятельности организаций на базе развития системы управления проектами. Автореф. дисс. ... канд. эконом. наук. — М., 2012.
16. Шугуров М. Глобальный инновационный процесс. // Международные процессы. — 2012. — Т. 10, №2 (29). [Электронный ресурс] / Международные процессы. — Режим доступа: <http://www.intertrends.ru/twenty-ninth/03.htm/>, свободный. — Загл. с экрана.
17. Crozier M. L'entreprise a l'econome. // Apprendre le management postindustriale. — Paris, 1991. — P. 26.
18. Haustein H. D., Mair H. Innovation Glossary 7. — Oxford; New York; Toronto; Sidney; Frankfurt, 1986.

Поступила в редакцию

13 апреля 2012 г.

Любовь Васильевна Илюхина — доктор социологических наук, заведующая кафедрой «Гуманитарные дисциплины и экономика», директор Каменского института (филиала) Южно-Российского государственного технического университета (НПИ).

Lubov Vasilievna Ilyukhina — Ph.D., Doctor of Sociology, head of The Humanities and Economics department, director of Kamensk Institute (branch) of South-Russian State Technical University (NPI).

347800, Ростовская обл., г. Каменск-Шахтинский, ул. Сапрыгина, д. 6
6 Saprygina st., 347800, Kamensk-Shakhtinskiy, Rostov reg., Russia
Тел.: +7 (86365) 7-90-86, +7 (86365) 7-90-85; e-mail: kpi@nm.ru, kpi_mail@mail.ru

Георгий Иванович Герасимов — доктор философских наук, профессор кафедры социологии, политологии и права Института по переподготовке и повышению квалификации преподавателей гуманитарных и социальных наук Южного Федерального Университета.

Georgiy Ivanovich Gerasimov — Ph.D., Doctor of Philosophy, professor of Sociology, Political Science and Law department of the Southern Federal University's Institute for Retraining and Professional Development of Teachers of Humanitarian and Social Sciences.

344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, д. 160
160 Pushkinskaya st., 344006, Rostov-na-Donu, Rostov reg., Russia
Тел.: +7 (863) 264-49-77; e-mail: sppkaf-ippk@yandex.ru